

На Украине: исключение из общего правила?

© С. М. ШАМИН,

кандидат исторических наук

Статья посвящена проблеме употребления предлогов *на* и *в* с топонимом *Украина*. Автор приходит к выводу, что конструкции «на Украине» и «в Украине» исторически использовались в русском языке как равноправные, их смысловая нагрузка была идентична. В начале XX века вопрос использования предлогов получил политическую окраску и конструкция «в Украине» была исключена из русского языка.

Ключевые слова: Украина, предлоги «на» и «в», национальная политика.

Употребление предлогов «на», «с», «в», «из» с названием нашего ближайшего соседа Украины уже долгое время является предметом острых дискуссий. Основной аргумент сторонников «на Украине» состоит в том, что это традиционное для русского языка словоупотребление, которое нельзя менять в угоду украинским националистам, поскольку оно не имеет ни оскорбительного, ни уничижительного оттенка. Те, кто настаивают на «в Украине», подчеркивают, что все независимые государства (за исключением островных) в русском языке упоминаются с предлогом «в», а написание «на Украине» – это наследие подчиненного, зависимого от России положения. Якобы этимологическая связь конструкций «на Украине» и «на окраине», отражает великодержавное пренебрежение со стороны России и русских.

Участники спора часто забывают, что в русском языке слово *Украина* изначально не было связано с территориями, входящими в состав современной Украины, а имело другие значения. «Украиной» называли различные земли на окраинах Московского государства. Наличие подобных территорий было обычным для средневековой Европы. Аналогичное значение имела немецкая марка, название которой первоначально означало границу, а позднее – пограничные области Каролингской державы. Как правило, эти земли были освоены хуже, чем центр, и гораздо

менее защищены от внешних вторжений. Однако некоторые из марок позднее развивались в независимые государства, как это случилось с маркграфством Бранденбург, которое сначала превратилось в курфюршество Бранденбург, а позднее в королевство Пруссия.

Подобные немецким маркам «украины» встречаются в русских летописях XV–XVI столетий. К примеру, в Симеоновской летописи XV в. (список нач. XVI в.) под 1481 г. говорится о нашествии татар: «Един же царевич хоте за Окою имати Украину» [1]. Здесь Украиной названы российские территории к югу от Москвы. Аналогичный пример можно привести и из относящейся к XVI в. Степенной книги царского родословия: «20000 татар приидоша тогда на Украины великаго князя и начаша воевати округ Тулы и Беспуты». Эта цитата интересна еще и тем, что в ней топоним употреблен во множественном числе. Это отражает его этимологическую связь со словом *окраины*. В другом месте этой летописи Украиной названы земли на северо-западной границе: «на Украину великаго князя ко Псковскому пригородку к Опочке» [2]. В источниках можно отыскать и другие употребления слова «Украина» в значении «окраины – марки».

В подавляющем большинстве случаев название «Украина» использовалось для обозначения земель к югу от Москвы, которые постоянно подвергались нашествию татар. Постепенно это словоупотребление получило абсолютное преобладание. Даже в мирное время каждую весну Разрядный приказ, ведавший вооруженными силами России, отправлял к югу от Оки войска для защиты от внезапного нападения. Приведем в качестве примера указ царя Алексея Михайловича от 8 мая 1648 г. о назначении воевод «на Украину». В документе перечислены города Белгород, Царев Алексеев, Путивль, Рыльск, Усерд, Севск, Ливны, Елец, Чернь, Ефремов. Среди дворян и детей боярских «украинных городов» названы жители Тулы, Каширы, Козельска, Тарусы, Белева, Брянска, Карачева, Мценска, Серпухова, Болхова, Рузы, Почепа, Стародуба, Рославля [3]. Эти территории противопоставлялись в документах «замосковным» городам, таким, как Владимир, Ржев, Тверь, Кострома, Можайск, Галич и др.

Постоянное использование в государственном делопроизводстве слова «Украина» как наименования земель на южных границах России (регион Тула – Белгород) делало именно это значение очень устойчивым. В отношении к землям современной Украины в русском языке оно не употреблялось (по крайней мере, такого словоупотребления в русских памятниках XVI – начала XVII в. выявить не удалось).

Когда в середине XVII века в русский язык стало проникать слово *Украина* в значении, близком к современному, традиционное словоупотребление долгое время оставалось основным. Если в одном документе шла речь о «московской» Украине и, собственно, украинских землях, то

название «Украина» сохранялось именно за российскими территориями. К примеру, когда в 1652 г. путивльский воевода Петр Хилков писал о возможности нападения украинских казаков Богдана Хмельницкого и татар на «государевы Украины», то в отношении соседей он использовал наименования «Литовская сторона», «черкасский гетман», «черкасы» [Там же. С. 305].

Даже ближе к концу столетия, когда левобережная Украина вошла в состав России, это правило оставалось неизблемым. В грамоте царя Федора Алексеевича от 26 января 1680 г. нижегородскому воеводе Андрею Толстово о подготовке к выступлению в поход по случаю нашествия турок и татар говорилось: «крымский хан... хочет случився с изменником Юраском Хмельницким приходить к нашим великого государя молоросийским и украинным городом» [4]. Мы видим, что вошедшие в это время в состав России города восточной Украины названы малороссийскими в противоположность «украинным» городам юга России. Таким образом, устойчивая конструкция появилась еще в то время, когда земли, входящие в состав современной Украины, в русском языке именовались Малой Россией. Конструкция «на Украине» относилась ко внутреннему пограничному региону России и была составлена по той же модели, что «на Дону», «на Урале» и т.д.

Слово *Украина* в значении, близком к современному, стало проникать в русский язык только в середине XVII века с территорий, входящих в состав Речи Посполитой. Этот процесс был существенно затруднен тем, что в русском языке того времени уже имелось несколько топонимов, обозначающих территорию современной Украины или отдельные ее части. Украину в целом, как уже было упомянуто, называли Малой Россией. У неспециалистов это наименование ошибочно ассоциируется со словами «мелкая», «незначительная». На самом же деле, оно маркирует изначальное место зарождения государства, в противоположность территориям, освоенным в более позднее время (так же, как в парах Греция и Великая Греция, Малая Польша и Великая Польша). После присоединения к России левобережной Украины для управления этой территорией был создан Малороссийский приказ.

Часто в московских приказах употреблялся топоним *Литва* (великое княжество Литовское, составная часть Речи Посполитой), который в совокупности подразумевал украинские и коренные литовские земли. Казацкие владения по Днепру называли Запорогами, а западные районы современной Украины входили в состав воеводства Русского Речи Посполитой. Во внутренних российских дипломатических и военных документах, когда заходила речь о ядре украинских земель, чаще всего пользовались не топонимами, а этнонимом «черкасы» – украинские казаки. К примеру, в описании архива Тайного приказа, которое делалось после его ликвидации в 1676 г. Запороги упоминаются 13 раз, Литва – 8,

Малая Россия – 2, а черкасы – более 50 раз. [5]. Название «Украина» не использовано ни разу. Для русского языка даже в 1670-х гг. оно все еще оставалось «чужим» и малоупотребительным.

Процесс вхождения топонима *Украина* (в значении, близком современному) в русский язык хорошо иллюстрирует отписка воеводы пограничного города Хотмыша Семена Болховского, которую он отправил в Москву в Разрядный приказ в начале 1648 г.: «приехали в Хотмышской (острог. – *С.Ш.*) из Литовской стороны литовские торговые люди с розными мелкими товары: слободы Коробутовой (владения Вишневецких на территории современной Полтавской области Украины. – *С.Ш.*) Савка Игнатов с товарищи. И я велел тех литовских людей про всякия вести роспросить. И те литовские торговые люди, Савка Игнатов с товарищи, в роспросе сказали: Князь де Еремей Вишневецкий пришел в украинные свои городки, и на Украине де в его городках ратные люди все в сборе, а хочет де он со всеми украинными ратными людьми идти в Польшу против крымских и ногайских людей» [3. С. 192]. Здесь мы видим, что для воеводы пограничного российского городка Украина это «Литва», а украинцы – «литовские люди». Название же «Украина» появляется в документе только в пересказе речей приезжих «литовских» торговцев, которые, судя по месту жительства, были именно украинцами.

Проникновение слова в русский язык шло и с территории Белоруссии. В отписке воеводы В. Шереметева (1657 г.) читаем: «А с Украины де хлеба Березынию рекою не велит пропускать Борисовский воевода Иван Ржевский». Здесь слово «Украина» употребляется в цитате из жалобы минской шляхты [3.С. 579].

С проникновением в русский язык топонима *Украина* (в значении, близком современному) связано и распространение конструкций «в Украину» и «из Украины». Ярче всего процесс изменения в употреблении предлогов замечен в курантах – обзорах европейской прессы, которые в Москве в Посольском приказе составляли для царя и бояр [6]. Информация курантов для изучения истории вхождения в русский язык иностранной топонимики крайне ценна, поскольку их тексты точно датированы. Кроме того, куранты составлялись для зачитания царю и Боярской думе и отражали «официальное», принятое во властных структурах написание топонима. Применительно к *Украине* большую роль играет еще и то, что в немецких и голландских газетах, на основе которых составлялись куранты, этот топоним использовался не в привычном для русских людей значении «земли на южном пограничье России», а исключительно как название территорий, входящих в состав современной Украины. При подготовке данной публикации были проанализированы куранты со времени начала составления до 1672 года. Оказалось, что *Украина* как топоним впервые отмечена в курантах в 1644 г. Предлоги *na/c* и *v/iz* с топонимом *Украина* встречались на протяжении всего пе-

риода наблюдения. При этом частота употребления предлогов *в/из* постоянно возрастала. В 1644–1665 гг. они употреблялись в 35% случаев, в 1666–1669 гг. – в 54%, а в 1670–1672 гг. – в 84%. Налицо постепенное вытеснение в 1660-х – 1670-х гг. конструкции «на/с Украины» конструкцией «в/из Украины». Этот процесс легко объясним. Когда топоним лишь начал появляться в курантах, предлоги чаще всего употребляли по аналогии с «московской» Украиной. По мере же увеличения числа упоминаний Украины в курантах для их составителей стало очевидно, что это топоним того же типа, что и *Литва, Польша, Швеция* и т.д. В результате с топонимом *Украина* по аналогии стали использовать предлоги *в* и *из*.

Таким образом, в делопроизводстве Посольского приказа наметилось разделение в практике использования предлогов. Когда речь шла о «московской Украине» (пограничном, окраинном «районе – марке»), писали «на» и «с», а с топонимом, обозначающим Украинское государство, употребляли предлоги «в» и «из».

Во второй половине XVII века язык Посольского приказа оказывал заметное влияние на развитие русского языка. Возможно, что постепенно такое словоупотребление распространилось бы на другие приказы, а потом стало бы правилом, однако к концу XVII в. с развитием России и расширением ее границ, выделение южного пограничья как некоей особой территории потеряло свое бывшее значение. «Московская» Украина не выделилась в отдельное государство, а слилась с основной территорией страны.

Ко времени правления Петра I *Украиной* уже называли лишь земли, населенные представителями украинской народности. Четкое разграничение в использовании предлогов не успело стать общезыковой нормой. В итоге в обращении остались и условно «правильные» конструкции «в/из Украины», и «традиционные» – «на/с Украины». Людей XVIII столетия это не смущало. Так, конструкции «в Украину» и «на Украину» соседствуют в составленной под наблюдением и при участии Петра I «Гистории Свейской войны» [8]. Аналогичную картину видим и в многотомных «Письмах и бумагах Петра Великого».

Сосуществованию двух конструкций способствовало наличие в русском языке вариантов в употреблении предлогов *в/на, с/из* в значении «местонахождение» и «направление»: например, *в Крыму, но на Камчатке* (в отношении полуостровов). Представление о том, как долго конструкции «в Украине» и «на Украине» соседствовали в русском языке, дают материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка (дата обращения 23 марта 2011 г.). Для XVIII века обнаружилось два случая употребления «на Украине» и четыре – «в Украине». Для XIX века соответственно 21 и 36 случаев. Правда, без учета текстов историка Н.И. Костомарова для XIX в. соотношение становится 19 и 13.

Цифры свидетельствуют о том, что обе конструкции продолжали сосуществовать.

Резкие перемены происходят в 20-м столетии. В период между 1918 и 1938 гг. встречаем 232 случая «на Украине» и всего лишь 5 «в Украине». После 1938 года «в Украине» не встречается.

Что же послужило причиной подобных изменений? Можно предполагать, что произошедший во время революции подъем украинского национального движения привел к тому, что люди начали усматривать идеологический смысл в конструкциях, которые изначально не несли какой-либо идейной нагрузки. «На Украине» стало символом братства, особых отношений между двумя народами, а «в Украине» подчеркивало независимость украинцев.

Второй вариант не вписывался в рамки национальной политики СССР. Уже в Конституции Украинской ССР 1919 г. видим: «Ведению Центральной Советской Власти на Украине подлежат...». В итоге конструкция «на Украине» оказалась единственным нормативным написанием в советской стране. Вариант «в Украине» был «репрессирован» вместе с другими «пережитками темного прошлого», но закономерно приобрел актуальность после появления в 1990-х гг. на политической карте мира независимой Украины.

Таким образом, вопрос о том, как правильно «на Украине» или «в Украине» не лингвистический, а политический, психологический и мировоззренческий. Решен он может быть только вместе с другими проблемами, которые существуют в отношениях между двумя народами. Решать его необходимо, поскольку проблема выбора грамматической формы слишком часто осложняет российско-украинское сотрудничество в самых разных сферах (в том числе в совместных научных исследованиях). Возможно, остроту проблемы могло бы сгладить возвращение к исторически существовавшему равноправию обоих написаний и отказ от поиска в них идеологической составляющей. Ведь изначально такой составляющей, действительно, не существовало.

Литература

1. Полное собрание русских летописей. М., 2007. Т. 18. С. 268.
2. Полное собрание русских летописей. М., 2008. Т. 21. С. 592.
3. Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 205.
4. Акты исторические. Т. 5. С. 83.
5. Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1.
6. *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение периодической печати. М.; СПб., 2011.
7. История Свейской войны. М., 2004. Вып. 1. С. 144, 145.